

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

**МАЙОР
И ВОЛШЕБНИЦА**

Москва
2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б94

Иллюстрация на обложке
Владимира Нартова

Бушков, Александр Александрович.
Б94 Майор и волшебница / Александр Бушков. —
Москва : Эксмо, 2021. — 320 с. — (Бушков. Непознанное).

ISBN 978-5-04-118311-0

Весной 1945 года, когда до Берлина оставалось уже не так далеко, майор Федор Седых привез в расположение своего батальона девятнадцатилетнюю немку-беженку Линду, поселил ее рядом со своей комнатой и назначил ее своей помощницей.

Вопиющий по своей дерзости поступок не остался незамеченным для офицеров СМЕРШа. Однако майор не обращал внимания ни на косые взгляды солдат, ни на строгий приказ Главного командующего.

Потому что Линда обладала совершенно фантастическими способностями: глядя на человека, она могла точно сказать: будет он жить в ближайшее время или погибнет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118311-0

© Бушков А.А., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

А факт — самая упрямая в мире
вещь.

М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»

Что-то осталось недосказанным
Знать бы нам что?

В. Пикуль. «Богатство».

Получилось так, что мой отдельный разведбат оказался отрезан от дивизии. Ненадолго, правда, и что радовало, отнюдь не немцами. На войне чего только не случается... По железнодорожному мосту, который быстро откатывавшиеся немцы не успели подорвать, прошли наши мотострелковые полки, два из четырех, штабы, связисты, артиллерийский полк. А потом по радио пришел приказ: всем остальным остановиться на обочине и пропустить вперед танковый корпус. Вот мы и оказались в условиях, воинскими уставами, в общем, не предусмотренных, — отрезаны от главных сил своими. Так что пришлось куковать на обочине: еще два полка, саперы, тыловые части и еще кое-какие подразделения, в том числе и мой разведбат. Зенитчикам, правда, нашлось дело: обе батареи поставили с нашей стороны у моста. Я со своего места не видел, что у них творится, но вряд ли они застыли в напряженной бдительности: весна сорок пятого, до Берлина не так уж далеко, и небо было прочно наше. Иногда только заявлялись мелкие пакостники: новейшие немецкие реактивные истребители, на которых из-за их скорости наши зенитные прицелы были не рассчитаны. Но особого вреда от них не было: налетали редко, бомбы сбрасыва-

ли мелкие — реактивный «мессершмитт» их мог взять не больше, чем обычный. Хорошо, что в сорок первом их не было, вот тогда бы показали кузькину мать...

Никакого раздражения из-за того, что застряли здесь надолго, не было: времени хватало, и мы успевали до темноты разместиться в том городишке, что нам отвели для расквартирования: там этих городишек было насыпано густо, прямо-таки как опят на пне, вот нашей дивизии и отвели такую россыпь — тем подразделением, что оставались во втором эшелоне. Кто-то из высшего руководства рейха, то ли Гиммлер, то ли сам фюрер, дал отступавшим войскам приказ уничтожить все на своем пути, оставляя «красным» выжженную землю. Где-то это им удавалось: мы насмотрелись на разрушенное, сожженное и взорванное явно самими же немцами, на расстрелянную из пулеметов фермерскую скотину. И на висельников на ветвях деревьев и телеграфных столбах — кто-то в форме, кто-то в штатском (ухитрился где-то раздобыть, что его не спасло), и у каждого на груди аккуратная такая карточка с надписями типа: «Я дезертир», «Я предал фюрера и Великий рейх». Такая вот наглядная агитация, уж не знаю, как она действовала на тех, кто втихомолку думал, как бы единолично выйти из войны. Но из того района, где шла наша дивизия, немцы откатились так быстро, что практически ничего уничтожить не успели. Так что мы и не знали толком, где противник: авиаразведка, правда, доложила, что километрах примерно в двадцати — и, похоже, пытается там закрепиться.

В общем, приятно было посмотреть, как прет лавиной броневая силища — это вам не сорок первый год... Где-то там, впереди, километрах в десяти отсюда, и должны были встать эти танки и САУ и зарыться в землю два полка «царицы полей» нашей дивизии с арtpолком.

(Интересно, что у немцев пехота именовалась точно так же. Вася Тычко пару месяцев назад притащил мне вместительную фарфоровую кружку с военной символикой, там серо-черной краской были нарисованы солдаты, наградной пехотный знак за штурмовые атаки и написано то же самое: «Царица полей». Все правильно: любая техника, самая грозная, только развивает успех, а закреплять его, занимать территории всегда приходится «царице полей».)

Единственное, что притомляло, — скука. Из машины я прекрасно видел дорогу, делавшую в этом месте огромную петлю, — и, судя по тому, сколько там еще пылило брони, куковать нам здесь не меньше часа. Есть никому не хотелось (а выпить в таких условиях не больно-то и выпьешь), как Вася ни старался, не удавалось поймать по радио какую-нибудь веселую музыку. Вот и курили лениво, опустив все стекла машины до упора.

Вот и бездельничали на довольно широкой околице, между железной дорогой, лесом и зарослями какого-то кустарника, местами довольно близко подходившими к дороге. Не так уж далеко — по европейским меркам, располагались предгорья Гарца, и леса здесь были, на мой взгляд сибиряка, *настолько*: густые, диковатые, с зарослями кустарника между деревьями. Ничего похожего на ухоженные, чистенькие леса, которых мы насмотрелись по пути: прилизанные, подлесок убран, хоть пляши, каждое дерево пронумеровано раскаленным клеймом, своей цифиркой.

Оттого, что здешние леса ничуть не походили на те, я и выставил на опушке, во всю длину нашего случайного расположения, цепочку часовых. На всякий случай. Кое-где и наши и противник изрядно перемешались, в таком вот лесу вполне мог оказаться отряд нем-

цев — пусть без танков, они там не прошли бы, но все же достаточно крупный, чтобы хватило дури на нас напасть.

Ну а я с шофером Кузьмичом и ординарцем Васей Тычко просиживал в моем «Опель-Адмирале». Ага, мне волей случая досталась эта роскошная машинка, совсем не по чину простому майору, у которого ее запросто мог отобрать проезжий генерал, а то и проезжий полковник. Ну, так уж мне свезло. Месяц назад взяли мы без серьезных боев городок покрупнее, чем та «россыпь», что ждала нас за рекой, мои ребята наткнулись там на гараж, где стояла целехонькая дюжина таких вот красавцев: там помещался, по нашим меркам, обком их собачьей партии (сам город, снова по нашим меркам, был областным центром). Машины они, как оказалось, бросили оттого, что не было бензина. И ничего не наломали, надо полагать, оттого, что драпали в величайшей спешке — что с них взять, партийцы; солдаты, несмотря на спешку, гараж бы непременно из вредности подожгли — так не доставайся же ты никому...

Ну, у нас-то бензин был, и свой, и с немецких складов ГСМ, которые они тоже поджечь не успели, — очень уж быстро мы их оттуда вышибли, и укрепиться как следует они не успели... Нежданные трофеи делили не самостоятельно, а по указанию начальства: одна пошла командиру дивизии, одна — начштаба дивизии, и еще пять — штабу же, одна главному смершевцу дивизии, три командирам полков, а последнюю комдив распорядился отдать мне. Учел специфику службы: мне гораздо чаще, чем другим командирам, приходилось мотаться по самым разным подразделениям, иногда далеко разбросанным. А «Виллис» мой неделю назад попал под бомбежку (хорошо еще, стоял пустой и Кузьми-ча там не было), а свободного не нашлось, всем нужны.

Иногда на войне очень замысловато делили самые разнообразнейшие трофеи...

Место было скучное. Поезд остался на рельсах, но весь иссечен осколками и пробоинами — ну конечно, сталинские соколы перехватили. Двери всех вагонов распахнуты настежь, и никакого барахла возле них не валяется: эшелон, похоже, вез что-то нужное в хозяйстве, и тут аккуратно поработала трофейная команда.

Справа, не так уж и далеко, метрах в двадцати от нас, картина столь же неинтересная — человек с полсотни беженцев, этакий цыганский табор. Эка невидаль, насмотрелись... Судя по тому, что держались они, в общем, спокойно, значит, мы были не первыми советскими солдатами, с которыми они сталкивались, и особых обид от «красных» они пока что не видели.

Хотя... Коли уж ваш отец прошел всю войну и должен был рассказать то и это (я уверен, скупой), должны знать, что на войне случалось всякое. На то она и война, тем более такая... И насчет трофеев (часов особенных), и касаются женщин. И бывали — эксцессы... Оправдать не все можно, а понять нужно. Хватало самого разболтанного народа, в том числе и уголовного — а уж эти своего не упустят. И потом: очень уж многие видели, что немцы у нас натворили, да вдобавок у многих родные-близкие от немцев погибли. Вот и срывались иногда.

— А вот интересно... — лениво протянул Вася Тычко, глядя в сторону беженского табора.

— Что там такого может быть интересного? — отозвался я столь же лениво.

Насмотрелись мы вдоволь на эту публику в первые дни, а потом надоело, слились в сплошную серую массу, неведомо куда бредущую по околицам, как будто где-то там, впереди, их ждала счастливая мирная жизнь.

— А вон, слева. Девушка сидит, и, что интересно, как бы наособицу. Они там все друг к другу жмутся, а она словно бы сама по себе...

Я присмотрелся. Действительно, беженцы сбились этаким овечьим табунком. Все как всегда: ни мужчин, даже пожилых, ни подростков — в последний месяц немцы гребли в фольксштурм всех способных держать оружие. Вовсе уж дряхлые старики, старухи, маленькие дети, женщины средних лет... Обычная картина.

А вот девушка, на которую показывал Вася, в эту картину решительно не вписывалась. Сидела метрах в пяти от остальных, в сером пальто (из-за подсохших пятен грязи и всякого прилипшего мусора ясно, что последнее время она спала где придется) и темно-синей косынке. Рядом стоял небольшой чемоданчик, судя по виду, не из дешевых. Да и пальто не особенно пролетарское, хотя в женской одежде я не спец, тем более в немецкой. И в самом деле, как-то наособицу держалась.

— Может, из угнанных? — немного оживился Кузьмич (я его понимал — подвернулась какая-никакая тема для разговора, скуку скоротать можно). — То-то и держится от фрицев подальше.

— Наша?

— А может.

— Не вытанцовывается, — уверенно сказал Вася. — Наши угнанные идут на восток, а эта явно держит путь на запад, как все эти.

— Ну и что? Мало мы с тобой угнанных с запада навидались — из всяких там Франций-Голландий? Они как раз на запад и шли. А куда ж им еще, не на юг же? Хотя те греки шли как раз на юг. Помнишь, веселых? Песни пели...

— Вот то-то, — сказал Вася. — Веселые. Все угнанные, каких мы видели, были веселые по самое не мо-

гу. Как же иначе, если они домой шли? Тут запляшешь, как та гречанка белозубая... Я б на их месте не так плясал... а эта сидит скукожившись, как воробей под дождем, и настроение у нее, отсюда видно, самое грустное. Точно, немка. Убедил я тебя?

— Убедил... — проворчал Кузьмич. — Ты и мертвого убедишь...

— А то ж! А знаешь что? Хотя она сто лет не умывалась и не расчесывалась, сразу видно, что — красоточка. Как только братья-славяне такую пропустили? Ведь явно не первый день идет-бредет...

— Вася! — сказал я, подпустив в голос суровости (правда, признаюсь, деланой). — Есть строгий приказ Верховного...

— А я что, товарищ майор? — сделал невинно-простецкое лицо ординарец (он, стервец, отлично умел при нужде таким Швейком прикидываться). — Я ничего, чисто теоретически рассуждаю, без всяких таких поползновений, запрещенных приказом Верховного главнокомандующего. Интересно просто, как она мимо наших ухарей прошла. А ухарей у нас хватает, и в каждый закоулок замполита с особистом не поставишь.

— Ох, Васька... — вздохнул я. — И как это я тебя полтора года терплю, ни одного взыскания не влепил за балабонистый язык...

— Так я ж солдат очень даже справный, — чувствуя мое хорошее настроение, блеснул Васька великолепными зубами. — Язык у меня балабонистый, это вы верно подметили своим соколиным взором, но балабонит одно идеологически выдержанное, так что и не за что, если рассудить, на меня взыскания накладывать...

— А за то, что ты сейчас тут разводил? — вклинился Кузьмич.

— А что я разводил?

— Как это что? Пушчал пропаганду и агитацию, да еще в присутствии старшего по званию и твоего командира: мол, есть еще у нас такие солдаты, что цинично пренебрегают приказом самого Верховного главнокомандующего. Хоть сейчас садись да особисту пиши...

Это они так дурачились, чуя мое хорошее настроение. На самом деле эта парочка давно уж была друзьями неразлейвода. И вот уж в чем я был совершенно уверен: в жизни ни один не станет стучать особисту ни друг на друга, ни, что уж там скрывать иные сложности тогдашней жизни, на меня самого. Ну, предположим, стучать на меня совершенно не за что, но, что греха таить, иные шоферы с ординарцами своих командиров о с в е щ а л и. Это, если подумать, не стукачество, а все равно неприятно, но уж в этой парочке я был уверен...

— Ага! — сказал вдруг Кузьмичч. — Ты, Васька, про ухарей говорил? Ну вот тебе и целых трое, всем прекрасно известные. И ведь прямым к девке курс держат.

Я посмотрел в ту сторону. И точно, не просто прекрасно всем известные ухари — м о и ухари, разведчики. Колька Ярчук по кличке Жиган и двое его, как он любил выражаться, «мушкетеров», разве что калибром поменьше, этикие верные оруженосцы. И курс они в самом деле держали прямым на девушку.

Сложное у меня к нему было отношение. Потому что парнишка был не простой — из тех, кого одной краской ни за что не нарисуешь, тут сразу несколько понадобится, и неизвестно, которой больше, которой меньше...

Как бы вам его обрисовать... Во всем, что касается службы, — солдат безукоризненный, разведчик на своем месте. Парень смелый, лихой, отчаянный, в деле на него можно положиться, как на самого себя. Не подве-

дет, не напортачит, горячки не напорет, на все руки мастер — и «языка» возьмет ювелирно, и с минно-подрывным делом знаком, и нож метает — залюбуешься. Орден и две медали, лычки старшего сержанта.

А вот д о м а, по нашу сторону линии фронта, когда разведке выпадает безделье, — другой человек. Тут и «разведпоиск» по личной инициативе в немецком винном погребе, и «реквизированные» гуся-поросся — но ведь всегда так обставит, паршивец, что не уличишь на горячем и за руку не схватишь! Специально мародерствовать по брошенным сбежавшими немцами домам ни за что не полезет, но если попадетя на глаза что-то ценное — мимо кармана не пронесет. И портсигар у него роскошный, серебряный с кучей золотых накладок, веса такого, что волка убить можно, и часы настоящие швейцарские, причем как они к нему попали, покрыто неизвестным мраком. Есть сильнейшие подозрения, что от языков — он однажды притащил полковника, настоящего барона с фамилией в две строки, еще парочка не п р о с т ы х за ним числилась. Но ни разу ни один «язык» не пожаловался, что у него что-то отобрали. Полковник, я так подозреваю, чисто из дворянской спеси — не зря ж он первым делом спросил, в каком звании тот русский солдат, что его взял. И когда узнал, что по немецким меркам Колька не более чем унтер, как-то сразу эту тему свернул. Негоже, должно быть, показалось барону с пригоршней «фон» «унд» и «цу» на простого унтера жаловаться, да еще младшему по званию (первый допрос с него снимал капитан Анжеров). А ведь курящий был полковник, анжеровские сигареты смолил, не чинясь...

Ну и бабник был фантастический. Сколько медсестричек и связисточек из-за него в подушку плакало... Но и тут, не пойман — не вор. И в Польше отметился,